

Из биохимии в архитектуру

Новый век перенасыщен информацией. В стремлении выделиться в информационном поле современного города здания избавляются от монументальных фасадов, эффектно транслируя свой «внутренний мир» прямо в городскую среду. С легкой руки Уильяма Олсопа еще одно «говорящее» и даже «обучающее» здание появилось в Лондоне

Все здания — и сияющий стеклом небоскреб, и фахверковый пряничный домик, и даже типовая пятиэтажка — похожи в одном: они являются частью городской среды. А город — это значительная часть нашей жизни, если пользоваться сухим языком схоластики, наша среда обитания. И хотя мы довольно далеко ушли от прочих приматов, все же природа берет свое, и мы, так же как наши меньшие братья, приспосабливаемся к своим каменным джунглям — лишь с той разницей, что сами их и «выращиваем». Городская застройка — это часть нас самих: в ней живут мысли и характеры тех, кто создавал улицы и здания. У Льва Гумилева есть книга «Этногенез и биосфера Земли», где он вывел простую закономерность, напрямую связывающую понятия «менталитет» и «ландшафт»: «Место расселения определяет менталитет». Архитектура как искусственный ландшафт несомненно влияет на наше восприятие и сознание. Естественный ландшафт создает нас, мы же, строя города, создаем ландшафт искусственный, который постепенно становится для нас естественным и, в свою очередь, оказывает влияние на нас. Именно поэтому в одних городах мы чувствуем себя уютно, а в других — совсем наоборот, где-то отдыхаем и успокаиваемся, а где-то хандрим...

Как в глубокой древности, так и в XX веке величие империй во многом определялось архитектурой их столиц. Уинстон Черчилль говорил: «Города строят не архитекторы, а политики» и, безусловно, был прав. Однако время идет, и то, что было справедливо и казалось незбылемым еще пятьдесят лет назад, сегодня уже не является таковым. Влиятельные заказчики, располагая многомиллионными бюджетами, нашли иной способ самоутвердиться, выгодно отличающийся от того, что был принят еще десять лет назад — карабкаться вверх и строить каждые пару лет здания на двадцать метров выше, чем

конкуренты. Эра глобальной информации создала новую тенденцию и феномен в архитектуре, то, что теперь принято называть «здания-достопримечательности» — оригинальные постройки, «городские ориентиры», позитивно влияющие на туризм и, естественно, приносящие дивиденды своим владельцам. Именно такие здания сделали архитекторов нашего времени звездами первой величины. Одним из признанных мастеров, который может похвастаться «зданиями-иконами» по обе стороны Атлантики, является знаменитый британский архитектор Уильям Олсоп (William Alsop). Полтора года назад закончилось строительство нового корпуса для Лондонского университета королевы Марии, который он мастерски вписал в плотную застройку кампуса.

Владимир Ильич и Джек Потрошитель

Место, которое сегодня украшает возведенное по проекту Олсопа здание, очень показательно в плане влияния городской среды на ее обитателей. Ведь кампус, в котором оно расположено, находится в историческом районе лондонского Ист-Энда, граничащем с деловыми центрами Сити и Доклэндса, который называется Уайтчепел (Whitechapel). Как нетрудно догадаться, имя ему дала «Белая часовня» (церковь Святой Марии), впервые упомянутая в английских хрониках шестьсот восемьдесят лет назад. Тогда это была лондонская окраина, начинавшаяся сразу за городскими стенами, имевшая недобрую славу торгового и злочного места. Этим район был обязан наличию важной дороги, связывавшей Лондон с Эссексом (сегодня это шоссе Уайтчепел-роуд). На эту дорогу выходит фасад Королевского госпиталя (The Royal London Hospital). Именно на базе этого медицинского учреждения в XIX веке появился Военно-медицинский колледж королевы Марии,

который уже несколько лет назад заказал Уильяму Олсопу новый корпус — Blizard building, названный по имени выдающегося анатома, хирурга и естествоиспытателя, сэра Уильяма Близарда, одного из основателей колледжа.

...Викторианская эпоха превратила Уайтчепел в торговый и эмигрантский район, населенный в основном ирландцами и евреями; очень густо застроенный, с узкими и темными улицами, по которым было опасно ходить даже при свете дня. Именно эту часть Лондона литературоведы часто называют «диккенсовской» — она фигурирует в произведениях великого британца. Жуткие условия жизни в этой части города поразили в начале прошлого века и Джека Лондона, который был убежденным социалистом. В то время Уайтчепел, жителями которого были преимущественно представители «угнетенного пролетариата», зарекомендовал себя еще и как политически неблагонадежное место, так как был постоянным пристанищем и местом встреч революционеров всех мастей, начиная с Джорджа Бернарда Шоу и заканчивая Владимиром Ильичом Лениным. Однако поистине всемирную дурную славу этому месту принес «убийца из Уайтчепел», более известный как Джек Потрошитель, в 1888 году державший в страхе весь Лондон. Судя по тому, как он проводил висекцию своих жертв — представительниц древнейшей профессии, в изыскании трутившихся в неблагополучном Ист-Энде, справедливо полагали, что он был хирургом из Королевского госпиталя.

Однако сегодня эта часть английской столицы не имеет ничего общего со своим мрачным прошлым. Видимо потому, что практически полностью лишилась своей исторической застройки, когда во время Второй мировой войны в нее упал реактивный снаряд V2. После войны Уайтчепел был заново отстроен вокруг уцелевшего Королевского госпиталя, а на месте старой церкви, давшей когда-то название этой району, сегодня находится библиотека университета.

Секреты привлекательности

Лондонский университет постоянно растет, и поэтому его кампус каждые несколько лет обзаводится дополнительными корпусами. Так как этот университет является одним из самых престижных в мире учебных заведений, он не испытывает недостатка в финансировании. Однако конкуренция на британском рынке образования такова, что вузы стремятся напоминать о себе всеми возможными способами, повышая свою привлекательность в стремлении заполучить лучших исследователей и абитуриентов. Один из беспроигрышных вариантов — сотрудничество с ведущими архитектурными бюро, гарантирующее самые невероятные решения, такие как Blizard building, в котором разместился Институт клеточных и молекулярных исследований.

Несмотря на то, что конкурсные проекты будущего здания предложили даже бюро Захи Хадид и Ричарда Роджерса, по итогам интервью предпочтение было отдано несколько менее именитому бюро Уильяма Олсопа. Возможно, потому, что ему не привыкать работать с образо-

вательными учреждениями — сегодня учебные корпуса и библиотеки, возведенные по его проектам, украшают вузы по обе стороны Атлантики. Лондонский Blizard building стал последней на сегодня работой архитектора на поплице «народного образования». Здание смело можно назвать программной работой Олсопа, так как возведенные им эффектные корпуса-параллелепипеды украшают Колледж дизайна и искусств провинции Онтарио в центре Торонто и Голдсмитс-колледж в Лондоне, для которого он спроектировал корпус Бена Пимлотта. В 2000 году архитектор был удостоен престижной архитектурной премии Sterling Prize за здание Пекэмской библиотеки, возведенной по проекту Олсопа на юго-востоке Лондона.

Результатом сотрудничества руководство университета осталось крайне довольным, хотя исследователи не сразу смогли привыкнуть к открытым пространствам лабораторий. Профессор университета Ник Райт (Nick Wright) возлагает на здание большие надежды по привлечению исследователей. Это здание «разрушает шаблонные представления о научной практике в Великобритании. Исследовательские институты и медицинские школы по всему миру сейчас соревнуются за право называться лучшей исследовательской командой, и я уверен, что современные приспособления и особая атмосфера здания помогут привлечь ученых из ведущих институтов», — считает Ник Райт.

Путеводный корпус

Создавая Blizard building, архитектор остался верен себе по части формообразования — здание представляет собой два простых павильона-параллелепипеда, соединенных переходом. И в то же время он изменил свой подход к отделке и закатал в металл лишь один из павильонов, составляющих здание, да и тот — технический (обычно в зданиях Олсопа окна можно найти лишь при помощи лупы). В «традиционном» павильоне шесть этажей. В нем сосредоточено практически все сложное механическое оборудование и электрические машины, обеспечивающие работу многочисленных лабораторий.

Фасады трехэтажного исследовательского корпуса выполнены из цветного стекла и местами украшены «пятами Роршаха», которые вышли из-под кисти художника Брюса Маклина (Bruce McLean). Сам художник считает, что эти объекты — не из области подсознательного, они — художественные интерпретации объектов из микромира, с которыми в здании будут производиться разнообразные манипуляции. Благодаря прозрачному фасаду их смогут наблюдать все желающие.

Технический павильон эффектно оттеняет исследовательский, так как большая его часть (пять из шести этажей) покрыта оцинкованными панелями и отражает свет. На втором павильоне установлены проекторы, которые в темное время суток проецируют световые сцены, посвященные предмету исследований естествоиспытателей, работающих в Blizard building, на его отражающую часть.

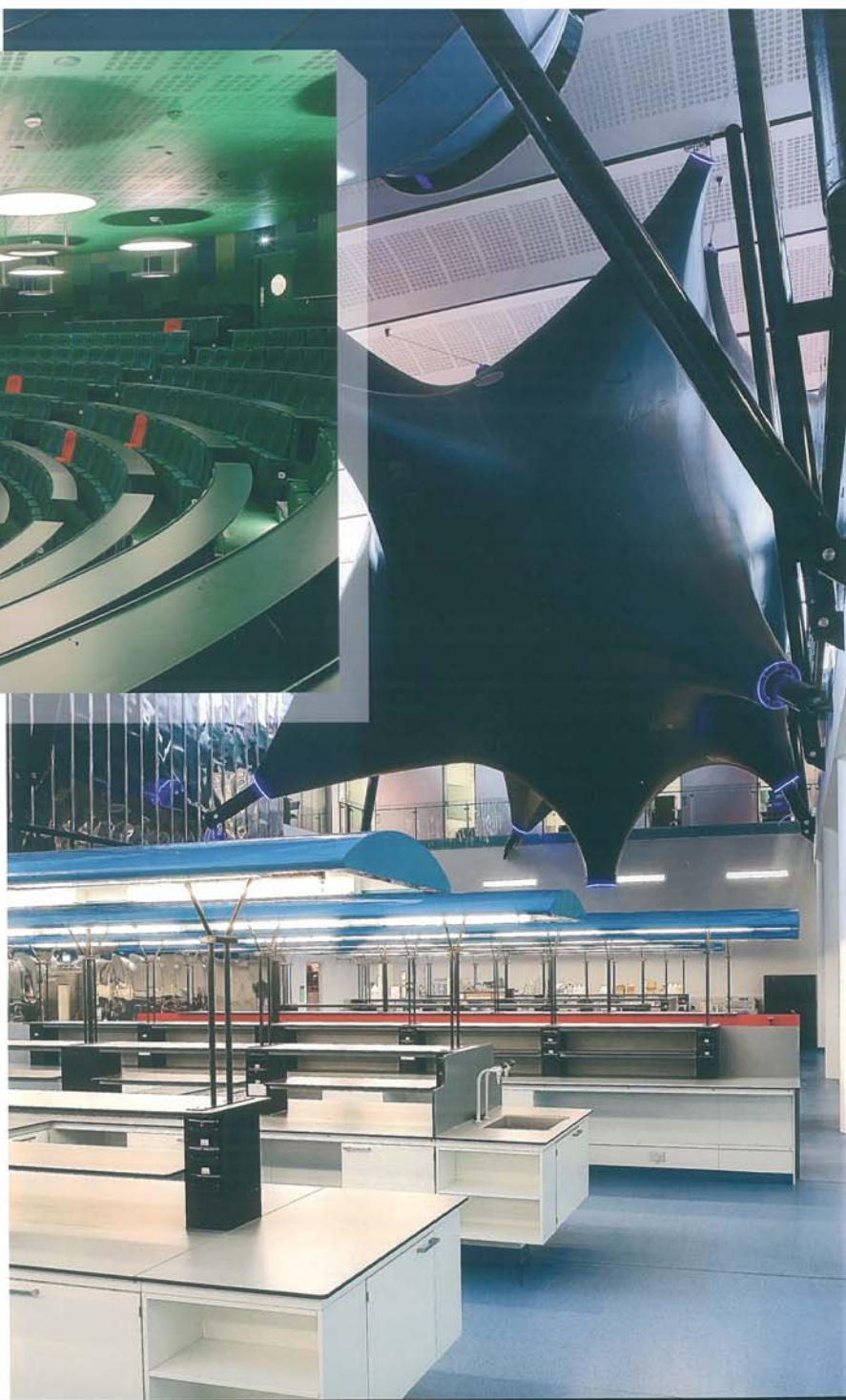

Таким образом, очень буквально решена одна из основных задач проекта, которую ставило перед архитектором правление университета: создать здание, помогающее ориентироваться на территории кампуса. Результат впечатляет. Корпус невозможно перепутать не только с другими корпусами университета, но и с любым другим сооружением, существующим сегодня на планете, особенно ночью, когда оно превращается в гибридный маяк и светомузыку.

Подпольная лаборатория и цветные капсулы

Градостроительный план университетского комплекса предполагал для застройки вытянутый, сравнительно узкий участок (бывшую автостоянку кампуса), однако архитектору удалось не только построить на нем два павильона, но и оставить между ними пешеходную площадку.

Это стало возможным благодаря тому, что под землей павильоны сообщаются — покрытие пешеходной площадки между ними является одновременно кровлей для этажа, уходящего на шесть метров ниже нулевой отметки. В подземном этаже размещены преимущественно рабочие места исследователей. Под 400 мест для них выделено 3800 из 9000 квадратных метров здания. Большая часть этих мест, выкрашенных в небесно-голубой цвет, находятся под «стеклянным коллаком» трехэтажного павильона, практически полностью остекленного — так решена проблема инсоляции этого подземного уровня — а еще ниже расположен служебный тоннель.

Однако интересны не рабочие места, а четыре «капсулы», удерживаемые опорами в воздушном пространстве исследовательского павильона, над научными рабочими местами. Внутри они скрывают различные общественные помещения. Команда дизайнеров, работавших над ними под руководством Уильяма Олсопа, разработала фактически арт-объекты, одновременно являющиеся помещениями.

Здание и его уникальные помещения «капсулы» дают возможность еще одного исследования — психологического, помогая понять, как архитекторы представляют себе работу и объекты исследований ученых биохимиков. Судя по зданию, им все видится в розовом цвете.

Правда, первая из «капсул», в которую попадают посетители, проследовав над площадью по стеклянной галерее, из технического корпуса, не розовая, а ярко-оранжевая. Хотя объект явственно напоминает молекулу одного из углеводородов, в нем находится «Центр клетки». Эта конструкция, вмещающая два уровня с полезной площадью 195 квадратных метров, отведена под интерактивный учебный центр и служит чем-то вроде пропускного пункта. Оболочка «молекулы» состоит из невероятно сложного геометрического тела (больше всего напоминающего картофелину с семнадцатью овальными дырками неправильной формы), которое покоится на четырех опорах. Роль выступающих атомов играют миниатюрные геодезические купола (ими закрыты «дыры»). При создании этой оранжевой конструкции использовались композитные отливки, а оптимистичный окрас ей придает металлоорганическая композитная эмульсия. Именно поэтому вся конструкция герметична.

Второй объект напоминает его создателям гриб. Если пользоваться этой аналогией, его треугольная шляпка — это открытый манеж, соединяющий галереи, расположенные на уровне второго этажа, и подземную лабораторию, где один из небольших обособленных уголков выделен для совещаний. Шляпка, как и положено, покоится на ножке, которая является по совместительству винтовой лестницей, похожей на двойную спираль ДНК.

Расположенные с южной стороны павильона объекты «облако» и «кололочка» служат мобильными аудиториями среднего размера. Они предназначены для проведения семинаров и рассчитаны примерно на три десятка человек каждый. Аудитория «облако» состоит из ряда связанных между собой эллиптических колец, которые выполняют роль шпангоутов. Интерьер структуры облицован изогнутыми панелями из дуба, а снаружи конструкция обернута белой эластичной тканью, которая служит оболочкой и хорошо пропускает свет. Кроме того, с торцов «облака» расположено два эллиптических иллюминатора.

Самый интригующий объект — это, пожалуй, «кололочка», оболочка которой, созданная из эластичной огнеупорной ткани, является самой геометрически сложной из всех, которые

когда-либо создавались человеком (вероятно, именно из-за этой сложной колючей конструкции Главный форум европейских архитекторов (LEAF) отметил новое здание колледжа в номинации «Лучшее использование технологии в крупномасштабных проектах»). Однако, несмотря на свою потрясающую сложность, шипастый объект предназначен для банальных семинаров и совещаний. Сложная эластичная оболочка удерживается на вантовых растяжках и телескопических щупах. Внутри оболочки находится площадка, расположенная на уровне второго этажа здания — она укреплена на четырех опорах. Изнутри зал, заключенный в эту «капсулу», покрыт ковровым покрытием.

В техническом павильоне столь очевидные дизайнерские изыски отсутствуют, но влияние биологии и химии на дизайн все же прослеживается. Самый большой зал — лекторий, рассчитанный на четыреста мест, по числу всех сотрудников и студентов Blizzard building. Под потолком и по периметру помещения установлены плоские светильники в форме дисков, а над сценой — панели, предназначенные для улучшения акустики зала. Благодаря им звуковые волны распределяются более равномерно, что позволяет предотвратить образование так называемых акустических ям. Дизайнерам кажется, что акустические панели и светильники напоминают кровяные тельца или эритроциты, хотя само помещение, наполненное этими клеточными формами, выдержано во вполне спокойной зеленой гамме.

На первом этаже технического павильона также находится главный публичный вход в корпус и кафетерий, расположенный здесь же, плюс жилые помещения персонала.

Здание как стимулятор

Удивительный интерьер поражает воображение не только неподготовленных зрителей, но и ученых. Непривычно яркий для авторитетного исследовательского института интерьер объясняется отнюдь не пристрастием проектировщиков к психостимуляторам. Он преследует вполне определенные цели. Можно сказать, что это локальное переосмысление тезиса Льва Гумилева, заглавное в рамках архитектурного «микромифа», поскольку речь идет не о городе, а лишь об одном здании. Трехэтажный стеклянный павильон задуман архитектором не только как утилитарное сооружение. Необычные архитектурные решения должны раскрывать характер деятельности и исследований, проводимых в здании, так как, по мнению Уильяма Олсопа, атмосфера в таком учреждении может существенно влиять на результат работы. Архитектор считает, что создал здание, которое будет положительно влиять на исследовательские процессы, происходящие в нем. «Наша цель состояла в том, чтобы создать место, которое избегает традиционно стерильной среды зданий, предназначенных для лабораторных исследований. Здесь само пространство здания говорит о науке и способствует научным открытиям», — говорит Олсоп.

Автор и редакцией выражают признательность за помощь в подготовке материала St. Bartholomew's and The Royal London, Queen Mary University, School of Medicine and Dentistry и лично Уильяму Харту

